

Игумен Аристарх (Лебедев)

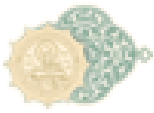

**Исторический анализ
богословских систем
преподавателей догматики
Киевской Академии
(XVII–XIX вв.)**

До XVII века в Русской Церкви не было и не могло быть самостоятельной богословской школы, потому что ещё не существовало институтов богословского образования, могущих дать мыслящих христианских ученых, а всё существующее до этого времени богословие ограничивалось рамками переводных догматических трудов, в основном, греческих богословов. Популярными среди такого рода сочинений этого периода были: «Богословские вопросы и ответы» Антиохийского патриарха Анастасия Синаита в виде обстоятельного катехизиса и «Точное изложение православной веры» святителя Иоанна Дамаскина. К самостоятельным произведениям русской богословской мысли данной эпохи можно отнести поучения, жития святых, послания пастырей и полемические сочинения. Из них первой попыткой изложить сущность православной веры является «Почтение к братии» написанное епископом Лукой Жидятой (1036). В этом сочинении автор главной заповедью называет веру в единого Бога-Троицу, раскрывая сущность основополагающего догмата на основании Писания. В «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона находятся рассуждения о богопознании, а в «Повести временных лет» преподобного Нестора Летописца подробно излагается Символ Веры.¹ Среди сочинений XIV века можно выделить поучение Матфея, епископа Сарайского, в котором излагается ряд наставлений о вере, «наставлений безыскусственных, но точно соответствующих потребностям современной жизни»², — указывает П. В. Знаменский. Наиболее полное изложение православных догматических истин содержится в «Просветителе» преподобного Иосифа

¹ Творогов О. В. Принятие христианства на Руси и древнерусская литература // Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 138–160.

² Знаменский П. В. Руководство к Русской церковной истории. Минск, 2005. С. 135.

(XV век). Его уже можно назвать систематическим трудом, содержащим основы веры. Однако это были всего лишь незначительные попытки дать обоснование православной веры и поэтому они ещё не могли представлять собой научного опыта догматической мысли подобно той, которая существовала на православном Востоке и той, которая развивалась на католическом Западе.

Поэтому уже на рубеже XVI–XVII веков, крайне необходимым становится вопрос о важности развития системы духовного образования. Это касалось не только Руси, но так же являлось весьма актуальным и для православного Востока, потому что в этих регионах, после завоевания их мусульманами, появилась реальная опасность полного исчезновения церковной науки. Осознавая эту угрозу, Александрийский патриарх Мелетий Пигас в послании (1593) к царю Феодору Иоанновичу особо просил об организации училища греческих наук. Эта же просьба прозвучала вновь спустя полстолетия из уст патриархов Антиохийского Макария III и Александрийского Паисия, считавших крайне важным создание в России учебного заведения, которое должно было бы стать научно-богословским центром для всего Православия. Высшая церковная школа, именуемая впоследствии как Славяно-греко-латинская академия, стала плодом совместных греческих и русских научно-богословских трудов³.

Однако предшественницей этой школы, как известно, явилась Киево-Могилянская коллегия, в которой, по словам митрополита Макария (Булгакова)⁴, сосредоточилась вся богословская ученость того времени. Самым известным представителем этой учености является святитель митрополит Петр Могила — основатель Киевской богословской школы.

Необходимо отметить, что во время активной церковной деятельности святителя Петра, особо стала ощущаться острая необходимость в богословски образованных людях, потому что церковная ситуация Западной Руси того периода была достаточно сложной и непредсказуемой. Поддерживаемая польскими государственными структурами, католическая экспансия ставила под угрозу само существование Православия в Украине. Осознавая эту опасность, архимандрит Киево-Печерской Лавры, экзарх Патриаршего Константинопольского престола Петр Могила в 1631 году основал на территории монастыря школу, которая в этом же году была объединена с уже существовавшим с 1615 года при Братском Богоявленском монастыре училищем. В 1633 году Богоявленское училище было преобразовано в коллегium, а с 1701 года по указу императора Петра I этот коллегium стал именоваться Академией, которая явилась основной базой богословия на Руси.

³ Православная энциклопедия. Том «Русская Православная Церковь». М., 2000. С. 245.

⁴ Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие. К., 2007. Т. 1. С. 56.

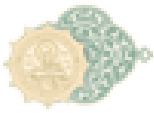

Родоначальник киевской теологии святитель Петр Могила, в основном им коллегии, первым ввел преподавание богословия в таком виде, в котором оно изучалось в современных на то время учебных заведениях Европы. С того времени, по мере развития богословской науки непрерывным процессом стало идти развитие и систематизация русской православной науки. Отдельные и первоначальные принципы такой систематизации появились уже в самые первые годы существования коллегии, в которых синтезируется богословская история, то есть история богословских споров и сумма кафолического церковного учения. В этих «системах» происходит постепенная кристаллизация сущности православного богословия, подведение итогов богословских дискуссий, предыдущих периодов догматических движений, в них оформляется систематизация того, что рождалось в обостренной полемике, в частности с католиками и протестантами, являясь совершенно необходимой вехой своего рода на историческом пути русской богословской мысли. Как первые, так и последующие системы киевской догматической школы базировались на логическом обосновании богословского мышления и, таким образом, отражали события встречи духовного церковного опыта с опытом «естественного разума».

Историю преподавания догматического богословия в Киевской Академии условно можно разделить на два периода, существенно отличающиеся в системах изложения догматики друг от друга. Первый период (старокиевская догматическая школа) включает в себя время от основания Киевской коллегии и завершается закрытием старой Академии в связи с реформой духовного образования в 1817 году. Второй период (новокиевская догматическая школа) начинается с 1819 года — года основания собственно Киевской Духовной Академии (далее — КДА) — до её закрытия в 1920-е годы.

Святитель Петр Могила преобразовал Киево-Братскую школу по типу латино-польских коллегий на основании универсала (привелея) польского короля Владислава IV от 18 марта 1635 года, чем определил объем, характер и систему учебного процесса в коллегии. По этому привелею разрешалось читать науки не далее диалектики и логики, тем самым, запрещая преподавать в стенах Могилянской школы богословие, что объяснялось нежеланием польского правительства давать возможность развитию в ней православного учения. Однако богословие в виде отдельных трактатов в коллегии все же читалось. Об этом свидетельствует некий С. Главинич (1661), который указывает, что «москвитяне изучают в киевском монастыре преимущественно философию и богословие, разные греческие и латинские творения»⁵. Но лишь с 1689 года

⁵ Харламович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. С. 371.

в Киево-Братской коллегии началось преподавание богословия на более серьезном уровне, которое официально было оформлено грамотой русских царей Иоанна и Петра Алексеевичей от 11 января 1694 года. В этом документе утверждалось «право свободного существования и преподавания в коллегии всего учебного курса наук до богословских включительно, но в полном согласии с учением и преданиями святой Православной Церкви»⁶.

Необходимо отметить, что с самого начала основания коллегии, в последствии академии, реальный характер преподавания представителей старокиевской богословской школы определялся под влиянием латинопольских образцов. «В преподавании всех наук господствовал латинский язык, в риторике и поэтике преобладала форма над содержанием, в философии — царил Аристотель, а в богословии — Фома Аквинат»⁷. Поэтому характерной чертой систем раннего киевского богословия является «прибавление новых, по сравнению с предыдущими системами, артикулов, аргументов, дивизий и субдивизий, а так же новых силлогических тонкостей»⁸. В самих аргументах акцент делался не столько на их значимость, сколько на правильность их силлогизма и на их количество, оформляя тем самым понятийную завершенность.

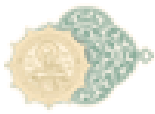
Однако, преподаватели Киевской Академии, особенно учителя богословия, всегда заботились о том, чтобы взятая за основу форма католического образования использовалась с пользой применительно к православному учению. Нужно сказать, что многие латинские руководства по богословию, ещё при святителе Петре Могиле были заменены православными по своему содержанию, например, такими как «Анфология» (1636) и «Собрание короткой науки об артикулах веры православно-кафолической христианской» (1645). Такое положение дел понуждало преподавателей старокиевской догматической школы «быть особенно осторожными в преподавании богословия, — как говорит профессор Федор Иванович Титов, — и чрезвычайно осмотрительными в самых заимствованиях и подражаниях западноевропейским средневековым богословам, какие они должны были допускать в силу необходимости, по причине отсутствия православных образцов. Это последнее обстоятельство, в свою очередь, должно было побуждать профессоров Киево-Братской коллегии к тому, чтобы поскорее создать если не свою богословскую систему, то, по крайней мере, своё руководство к изучению и усвоению православно-христианского вероучения и правоучения»⁹.

⁶ Титов Ф. И., проф. прот. Императорская Киевская Духовная Академия (1615–1915). К., 2003. С. 105.

⁷ Титов Ф. И., проф. прот. Указ. соч. С. 113.

⁸ Знаменский П. В. Указ. соч. С. 339.

⁹ Титов Ф. И., проф. прот. Указ. соч. С. 144.

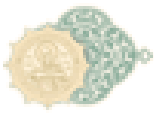
Таким образом, появляются первые труды по догматике, которые чаще всего носили разрозненный характер и преподавались в виде отдельных трактатов, при этом не проводя строгого разделения между догматическим богословием и нравственным. Сохранилось несколько конспектов лекций такого типа. Первый из них датируется 1642–1646 годами и по своей структуре следует системе богословия Фомы Аквинского. Второй относится к 1693–1697 гг. Третий (1702–1706) и четвертый (1706–1711) составлены в виде отдельных трактатов, не имеющих между собой единой мысли и общности изложения. Касательно этих учебников митрополит Макарий (Булгаков) говорит следующее: «Этот ряд состязаний, из которых каждое разделяется на несколько вопросов; вопросы делятся на новые вопросы, выражаясь в частнейших положениях. Затем следуют доказательства, многочисленные возражения и опровержения. В общем, направление в этих учебниках православное и строго полемическое, особенно против папистов и протестантов, от чего спорные моменты рассматриваются в них с величайшей обширностью»¹⁰.

Среди первых догматистов киевской школы можно назвать иеромонаха Исаию (Трофимович-Козловского), который выступил в качестве соавтора «Православного исповедания веры» святителя Петра Могилы. По своему содержанию это сочинение является, по большому счету, «приспособлением» или «адаптацией» латинского материала. В сущности, это одно из антипротестантских вероизложений, которых так много появилось в эпоху контрреформации. Поэтому «Православное исповедание» гораздо больше связано с римско-католической литературой, чем с духовной жизнью Православия. В нем «всецело усваивается латинская схоластическая терминология, как например, материя и форма таинства, пресуществление, аристотелевское учение о субстанции и акциденциях для объяснения пресуществления»¹¹, заимствуются и перенимаются не только отдельные схоластические мнения или взгляды, но и сама психология католического мышления. За немногим исключением — св. Василий Великий, Псевдо-Дионисий, бл. Августин, — в «Православном исповедании» почти полностью отсутствуют указания на учение святых отцов, что является «характерным признаком отрыва от святоотеческой традиции, ощущающегося во всем богословии этого символического памятника»¹². Однако именно «Православное исповедание» сыграло значительную положительную роль в деле защиты

¹⁰ Макарий (Булгаков), митр. Указ. соч. С. 57–58.

¹¹ Василий (Кривошеин), архиеп. Символические тексты в Православной Церкви. Калуга, 2003. С. 54.

¹² Василий (Кривошеин), архиеп. Указ. соч. С. 56.

православной веры от её врагов в XVII веке, являясь её авторитетным изложением своего времени.

С «Православным исповеданием» интересно сопоставить другие литературные опыты сподвижников святителя Петра Могилы, например, учителя и первого префекта Киево-Могилянской коллегии митрополита Сильвестра (Косова). В богословском плане интересной является его «Дидакалия албо наука о седми таинствах», датируемая 1637 годом. В учении о таинствах Сильвестр (Косов) пользуется известной книгой П. Аркудия, поэтому в нем особенно очевидны латинизмы: различение «материи» и «формы» таинств, «трансубстанциация», «форма» Евхаристии, «сокрушение», материя таинства покаяния. Этой литургической догматике соответствовала и литургическая практика, закрепленная и отчасти вновь введенная в Евхологию святителя Петра Могилы¹³.

Архимандрит Иннокентий (Гизель), ещё один из сподвижников святителя Петра Могилы, в своих богословских произведениях пытается примирить православную веру с доводами разума, согласно которым можно принимать в церковной жизни кое-что новое, если только оно не противоречит православию. Он призывает читателя не пренебрегать новым, не гнушаться того, что можно взять от внешних «иноверных» или эллинических учителей. Ибо и там можно найти истину и здравый смысл «яко злато среди болота». Такой подход был полной противоположностью убеждениям русского духовенства и общества того времени, для которых слово «новое» еще долго оставалось общей негативной характеристикой.¹⁴

Игумен Иоанникий (Галятковский) — знаменитый ученый, представитель старокиевской школы, в своих богословских трудах излагает основные вероучительные истины Православной веры. Нужно отметить, что «догматические произведения Галятковского были высоко оценены богословской критикой за их обширную эрудицию, большое диалектическое искусство и силу мысли»¹⁵.

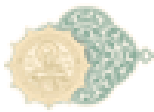
Архимандрит Иоасаф (Кроковский), будучи еще префектом и преподавателем, в 1689–1693 гг. впервые прочитал в Академии четырехлетний курс богословия, изложенный им систематически и в определенной последовательности.

Ещё один труд, появившийся в это время — «Камень веры» Стефана (Яворского), — представляет собой хотя и православную догматическую систему, но по стилю изложения все же близкую к католическим пособи-

¹³ Ляхович Е. С. Ревушкин А. С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998. С. 57.

¹⁴ Годуев С. Т. История Киевской Духовной Академии. К., 1886. Вып. 1. С. 185–187.

¹⁵ Пекарский П. П. Представители киевской учености в половине XVII столетия. СПб., 1862. С. 501.

ям подобного рода. Архиепископ Феофан (Прокопович) в противовес ей написал свою систему, в корне отличающуюся от «Камня веры». Он, желая по возможности, освободиться в своём богословском курсе от давившей его схоластики, при изучении важнейших богословских вопросов прибегает к церковно-историческому методу¹⁶. Однако новаторские идеи Феофана в области богословия не были широко поддержаны киевской ученостью, потому что вековая традиция преподавания сложившаяся в Академии основательно укрепилась в ней и удерживалась на протяжении всего первого периода существования догматической школы в Киеве.

Если же говорить более подробно о системе архиепископа Феофана, то можно сказать, что она излагается живым богословским языком и стремится к критическому анализу особенно католического учения. В ней автор утверждает идеи новой европейской науки, созданной Бэконом и Декартом. Прокопович по-новому понимает назначение богословия. Богословие оценивается им не как эзотерическое знание для отдельных богословов, но как средство удовлетворения соответствующих запросов значительного круга людей. Владыка Феофан пытается глубже развить идейные позиции своих предшественников, зачастую выступая, как подлинный новатор. Важным моментом в таком новаторстве является отделение им догматического богословия от нравственного, которые до этого читались совместно. Поэтому его справедливо можно назвать, как говорит митрополит Макарий (Булгаков) — «отцом систематического богословия в России»¹⁷.

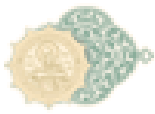
После системы архиепископа Феофана (Прокоповича) появился богословский трактат Сильвестра (Кулябки) «*Teologicae scientiae summa*» (1743), который основы православной веры излагает в умеренно-схоластическом духе, используя при этом дидактико-полемический метод¹⁸. За ним последовали «Христианское православное богословие» святителя Георгия (Конисского) и «Компендиум православного догматического богословия» Ириней (Фальковского), преподанный автором с 1795 по 1804 годы. Последний впервые ввел в состав догматики статьи о Церкви дозаконной и подзаконной, о Церкви благодатной, об иерархии и Соборах. Нужно сказать, что именно труд Ириней (Фальковского) стал на долгое время главным пособием по догматике во всех духовных учебных заведениях Русской Церкви.

Завершая историко-богословский анализ старокиевской догматической школы можно сказать, что главной чертой всех систем рассматриваемого периода является сознательное изложение истин веры в строго

¹⁶ Титов Ф. И., проф. прот. Указ. соч. С. 190.

¹⁷ Макарий (Булгаков), митр. Указ. соч. Т. 1. С. 58.

¹⁸ Макарий (Булгаков), иером. История Киевской Академии. СПб., 1843. С. 139–141.

православном духе. Этому стремлению нисколько не препятствовала их зависимость от неправославных, преимущественно католических, а отчасти и протестантских богословских сочинений или лекций. Так происходило потому что «они заимствовали мысли и рассуждения латинских ученых по общим богословским вопросам. Там же, где латинское богословие отличалось от учения Православной Церкви и уклонялось от истины, — говорит протоиерей Феодор Титов, — наши академические профессора не только не прикасались к чужим источникам, но даже становились в полемическое положение в отношении к ним. Вот почему богословским курсам рассматриваемого периода присущ в значительной мере полемический элемент. Если же, действительно, в академических рукописных лекциях встречаются будто бы неправославные суждения, то это были, без сомнения, или случайные заметки профессоров, которые могли и не высказываться наставниками в академической аудитории, или же только личные их суждения»¹⁹. Исключением из этого правила можно считать мнение о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы, которое поддерживалась в Академии авторитетом митрополита Иоасафа Кроковского. Вообще же опровержение католических или протестантских догматов у большинства богословов старокиевской школы, за редким исключением, имеют один и тот же план и построены по одному и тому же для всех схоластическому методу, пронизывающему все системы этого периода.

14 августа 1817 года согласно общегосударственной программе преобразования духовных учебных заведений Киево-Могилянская Академия была закрыта. Этим временем, можно сказать, и завершается первый период истории преподавания догматического богословия в Киевской школе.

Два года велась работа по реформированию и подготовка к началу учебного процесса в новой Академии. 28 сентября 1819 года стало днем торжественного открытия обновленной Киевской Духовной Академии, собственно датой начала КДА как чисто церковного учебного заведения и начала нового периода в истории преподавания и систематизации догматики в Академии.

В первое время рассматриваемого периода «догматическое богословие преподавалось без анализа православного учения и представляло собой иногда больше материал для догматики, чем саму догматику, ограничиваясь отрывочными местами Священного Писания и такими же отеческими свидетельствами в подтверждение догмата»²⁰. После же реформы 1867–1869 гг. ситуация изменилась. Системы по догматиче-

¹⁹ Титов Ф. И., проф. прот. Указ. соч. С. 192.

²⁰ Заев Василий, проф. прот. Реформы духовных академий в XIX — начале XX вв. // Труды КДА. №9. С. 351.

скому богословию теперь ориентируются на новый научный метод, который заключается в изложении полной истории догматов вместе с их теоретической стороной, т. е. истории формирования их в борьбе с ересями и рационализмом.

Первый ректор обновленной Киевской Духовной Академии архимандрит Моисей (Богданов-Платонов) «своими трудами положил основание благоустройству и образованию Академии»²¹. Его лекции по догматическому богословию, выделяющиеся смелыми и свежими взглядами на науку, понятной и точной терминологией, ясным методом изложения и доступностью выражений, послужили основой не только для будущего учебника митрополита Макария (Булгакова), но и для всех будущих систем по догматике в самой Киевской Академии.

Один из лучших учеников архимандрита Моисея — Иннокентий (Борисов), использовал все свои знания и весь свой преподавательский талант на дальнейшее развитие богословия в КДА, заложенное его учителем. По инициативе святителя Иннокентия в Киевской Академии философия и богословие стали преподаваться не на латыни, укоренившейся еще со времен святителя Петра Могилы, а по-русски, что позволило этим наукам, освободиться от латинских схоластических систем, и дало возможность независимо развиваться отечественной богословской мысли.

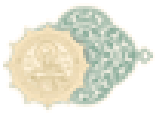
Знаменательным так же является и тот факт, что в период своего пребывания в Академии, преосвященный Иннокентий возглавил группу профессоров КДА, занимавшихся составлением «Догматического сборника». Этот сборник явился достойным памятником новокиевской догматической школы, в котором излагаются основы православной веры, с историческим изложением догматов Церкви. Святитель Иннокентий (Борисов) так же составил и свои собственные лекции по догматике, которые имеют четкую структуру изложения материала, доказательства основ веры опираются на цитаты из Священного Писания и сочинений святых отцов.

Следующий представитель киевской догматической школы — архиепископ Дмитрий (Муретов) «основал твердый фундамент новой богословской системы с применением исторического метода изложения»²². Нужно сказать, что его конспект по догматике лег в основу «Введения в курс богословских наук» митрополита Макария (Булгакова).

Ещё один представитель новокиевской догматической школы архиепископ Антоний (Амфитеатров) читал лекции по православному вероучению в Академии шесть лет. Эти лекции стали костяком его учебника

²¹ Акты и документы, относящиеся к истории Киевской Академии. Отделение III. К., 1915. Т. 5. С. 61.

²² Отечественные записки. СПб., 1862. С. 76.

по «Догматическому богословию», который на протяжении 20 лет — с 1848 по 1867 год — был главным учебным пособием по догматике, выдержавшим восемь изданий²³.

Последняя система догматики, появившаяся в Киевской Духовной Академии в XIX веке, — «Опыт православного догматического богословия (с историческим изложением догматов)» епископа Сильвестра (Малеванского) — является самой значительной, из всех существующих на то время систем, посвященных догматической науке. «Жизненность системы епископа Сильвестра произвела глубокое впечатление. Она явилась «крупным шагом вперед» по сравнению с системой митрополита Макария»²⁴, — говорит профессор А. Введенский и «до сих пор не превзойдена»²⁵, подчеркивает профессор М. Скабалланович.

У епископа Сильвестра прослеживается историко-генетическое исследование догматов, по которому сначала излагается сущность догматического учения, потом в хронологической последовательности понимание, или истолкование, этой истины в сознании Церкви (у святых отцов и учителей), затем окончательная формулировка его Церковью и последующие попытки истолкования²⁶. Опыт православно-догматического богословия епископа Сильвестра, несомненно, стал новым, живым и современным свидетельством православной веры, адекватно реагирующим на требования своего времени. В своём труде епископ Сильвестр применил два новых на то время приема в разработке догматики, которые сделали её неподражаемым сочинением в области богословской науки. Во-первых, для уяснения и понимания догматов епископ Сильвестр обратился к живому религиозному сознанию Церкви, и, во-вторых, умело использовал историко-генетический метод изложения догматов. Это дало ему возможность оторваться от мертвых схоластических формул и раскрыть, преодолевая вербальную оболочку догмата, его «дух и силу», доказывая, что они «по своему внутреннему содержанию глубоко связаны между собой»²⁷.

Завершая исторический обзор догматических систем в Киевской Академии, хотелось бы сказать, что киевская ученость, в лице лучших её представителей, есть значительное явление. Это первая и открытая встреча отечественной церковной науки с Западом. В начале своего су-

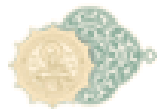
²³ Лисовой Н. Н. Обзор основных направлений в русской академической науке в XIX — начале XX столетия // Богословские труды. М., 2002. № 37, С. 12–14.

²⁴ Скабалланович М. Н. Преосвященный Сильвестр как догматист // Труды КДА, 1909. № 1, С. 48.

²⁵ Введенский А. И. Сравнительная оценка догматических систем митрополита Макария (Булгакова) и епископа Сильвестра (Малеванского) // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. СПб., 1886. Февраль–апрель. С. 148.

²⁶ Скабалланович М. Н. Указ. соч. С. 48.

²⁷ Алипий (Кастальский), архим., Исаия (Белов), архим. Догматическое богословие. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 2000. С. 51.

ществования, киевская догматическая школа шла по западному пути в методе и стиле изложения, потому эта встреча не смогла в целостности быть творчески использованной. В «старокиевский» академический период сложилась школьная традиция, возникла школа, но ещё не создавалось целостного духовного и творческого потенциала. Сложилась подражательная схоластика, именно «школьное богословие». Однако это обозначило новую ступень религиозно-культурного уровня развития в школе, из недр которой стали выходить достойные богословы-ученые, среди них были Исаия (Трофимович-Козловский), Иннокентий (Гизель), Иоанникий (Галятовский), Елифаний (Славинецкий), Феофан (Прокопович), Стефан (Яворский), Лазарь (Баранович), святитель Дмитрий (Туптало), митрополит Ростовский и другие, сумевшие поднять на высокий уровень русское богословие, занявшее почтенное место в ряду выдающихся богословских школ православного мира.

В XIX веке ситуация изменилась. Системы по догматическому богословию теперь стали ориентироваться на новый научный метод, который заключается в изложении полной истории догматов, т. е. истории формирования их в борьбе с ересями и рационализмом. Благодаря этому, появившиеся в последние десятилетия XIX века труды по догматике своей отчетливостью, убедительностью и современному осмыслению вероучения Православной Церкви вознесли отечественную догматическую науку на высочайший уровень богословия. Достижения киевских догматистов того времени сохраняют актуальность и для современной церковной науки.

Труды Киевской Духовной Академии